

САЙРУС ВИ

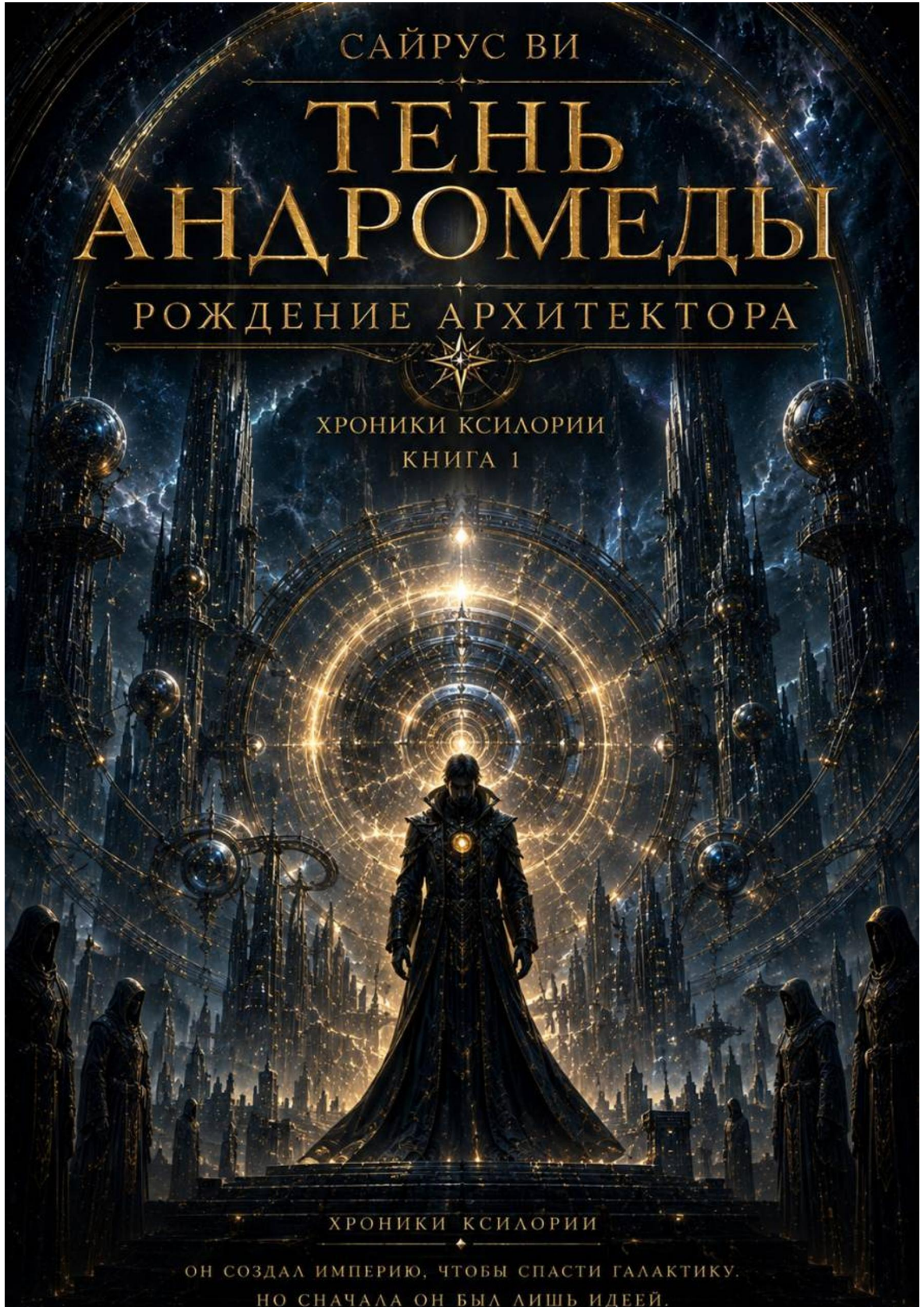
ТЕНЬ АНДРОМЕДЫ

РОЖДЕНИЕ АРХИТЕКТОРА

ХРОНИКИ КСИЛОРИИ

КНИГА 1

ХРОНИКИ КСИЛОРИИ

ОН СОЗДАЛ ИМПЕРИЮ, ЧТОБЫ СПАСТИ ГАЛАКТИКУ.

НО СНАЧАЛА ОН БЫЛ ЛИШЬ ИДЕЕЙ.

Сайрус Ви

**Тень Ардромеды: Рождение
архитектора. Хроники Ксилории 1**

«Автор»

2026

Ви С.

Тень Ардромеды: Рождение архитектора. Хроники Ксилории 1 /
С. Ви — «Автор», 2026

Он был последним, кто помнил запах травы своего мира. Последним, кто носил в себе их песни. Роланд — не воин, а архитектор, строивший мосты между звёздами и сады из хрустальных арф. Его мир, Вердиант, достиг совершенства, но в этой гармонии он слышит зов неизведанного. Любопытство становится трещиной, через которую в идеальный сад просачивается Тень. Пожинатели не убивают. Они упрощают. Мир Роланда разбирают на атомы с аккуратностью хирурга, оставляя лишь идеально ровную пустоту. Жена, дочь, песни — всё превращается в прах и молчание. Оставшись один на трофейном корабле врага с чертежами технологий, способных подавлять волю и даровать бессмертие, Роланд делает выбор. Он не станет возводить памятник из песен. Он построит оружие из людей. Первая капля яда обжигает горло. Начинается эпоха, которой суждено длиться две тысячи лет. Эпоха Империи Ксилория. Эпоха Архитектора.

© Ви С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая: Сад	5
Часть вторая: Трещина	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сайрус Ви

Тень Ардромеды: Рождение архитектора. Хроники Ксилории 1

Часть первая: Сад

Вердиант не вращался. Он пел.

Его ось была настроена на резонанс с магнитным полем звезды, и вся планета вибрировала на одной непрерывной ноте – низкой, как гул гигантской струны. Этот звук, названный «Голосом Матери», пронизывал всё: леса с кристаллами, растущими вместо листьев и звучащие хрустальными арфами; реки, чьи течения выписывали не узоры, а каноны; даже воздух, наполненный не пылью, а светящимися спорами-нотами. Это был мир, который не жил. Он сочинял себя.

И Роланд Уиболдон был одним из его дирижёров.

Его мастерская висела над Долиной Сходящихся Сияний – местом, где лучи трёх лун сплетались в свет изменчивой призмы. Он не обрабатывал металл, не писал код. Его работа – намерение.

Перед ним парил росток Новой Арки – будущего моста, который должен был соединить два музыкальных пика. Росток был серебристым, полупрозрачным, и в его сердцевине пульсировал свет.

– Ты боишься высоты, – тихо сказал Роланд, и его слова были не звуком, а мыслеформой, отправленной в общую пси-сеть планеты. – Это нормально. Высота – лишь расстояние между нотами. Давай превратим его в мелодию.

Он не приказывал, а предлагал. И росток, дрогнув, начал расти по спирали, закручиваясь вокруг невидимой оси, создавая вихрь из хрусталя и света, издающего тихий, чистый звук.

– Пап!

Мысль была яркой, звонкой, как удар по стеклянному колокольчику. Роланд обернулся. В дверях – которые на самом деле были не дверью, а лишь местом, где стена решала стать проходом, – стояла Лиана.

Ей было десять циклов: волосы цвета тёплого янтаря заплетены в сложную косу с живыми, светящимися нитями; в руках – то, что на Вердианте называли «смехоплодом», пушистый шар, при касании испускавший волну беззвучного, но осязаемого веселья.

– Мама говорит, что ты опять забыл про синтез. Будешь ужинать светом и звуком?

Роланд отключился от сети, улыбнулся. Образ сада в его сознании померк, зато дочь стала ярче и реальнее.

– Свет и звук – это и есть лучшая пища для духа, дитя.

– А для тела – котлеты из грибов-миноров, – с серьёзным видом заявила Лиана. – Мама их уже настроила на частоту твоего пищеварения. Идём!

Они шли по живому коридору своего дома-спирали. Стены дышали, испуская лёгкий аромат, который менялся в зависимости от их настроения. Сейчас пахло свежестью после дождя и чем-то сладким – Лорган, видимо, была довольна. Она ждала их в комнате, где потолок оставался прозрачным для звуков, позволяя Голосу Матери проникать внутрь. Любая мелодия здесь становилась мягкой, обволакивающей.

Лорган стояла у стола, на котором сами собой складывались аппетитные композиции из выращенных фруктов и грибов. Её лицо, спокойное и мудрое, было полной противоположностью вечно пылающему внутреннему огню.

– Роланд, – мысль была тёплой, но с лёгкой укоризной. – Твой биоритм показывает отклонение. Ты снова пытался прочесть паттерны за пределами Голоса.

– Я изучал спящие эхо, – признался он, усаживаясь за стол, – в гравитационных каркасах на окраине системы. Там есть... тишина. Не пустота, а иная гармония. Спящая.

Лорган нахмурилась. Её беспокойство добавило в воздухе лёгкой горчинки.

– Зачем? У нас есть всё, прямо здесь. Полный цикл. Совершенство.

– Совершенство – это тупик, Лорган, – сказал он тихо, но твёрдо. – Мы достигли его и теперь не растём. Только повторяем. Голос Матери для нас колыбельная, но люди вырастают из детских кроваток.

– И что ты предлагаешь? Покинуть колыбель? Нарушить Покой? – в её мыслях звучала тревога. Покой – не просто философия. Это закон, фундамент их существования. Неразрушительное созерцание и невмешательство.

– Я предлагаю услышать другие голоса, – сказал Роланд, – чтобы лучше понять нашу собственную песню.

Лиана, жующая смехоплод, смотрела то на отца, то на мать. Она ловила обрывки их мыслей, ещё не научившись фильтровать.

– Папа, – вдруг сказала она, – а другие голоса... они будут красивыми?

Роланд посмотрел ей в глаза, полные доверчивого любопытства.

– Я не знаю. Но если они есть, значит, они часть какой-то великой музыки. И наша задача – не заглушить их, а найти аккорд, в котором мы сможем звучать вместе.

– Как струны в арфе? – уточнила Лиана.

– Да. Как струны в арфе.

Лорган больше ничего не сказала. Но тишина за столом стала гуще, и аромат в воздухе сменился на лёгкий, едва уловимый запах увядания.

Позже, укладывая Лиану спать в её комнате, где стены мягко светились снами прошлых ночей, Роланд почувствовал её вопрошающий взгляд.

– Папа, а если... если новая песня окажется... страшной? – прошептала она вслух, отключаясь от сети, становясь обычным ребёнком.

Он погладил её волосы.

– Страх – всего-навсего незнакомая нам гармония, Лиана. Если что-то звучит диссонансом, это не значит, что оно неправильно. Просто мы ещё не нашли, к какой композиции оно принадлежит.

– А найдём?

– Мы – Архитекторы. Мы находим пути для всего сущего. Даже для страха. Даже для тишины.

Доверившись словам отца, она уснула. А он ещё долго смотрел, как стены рисуют над её кроватью слабые, переливчатые узоры – отголоски её дневных впечатлений. Там был и он, была Лорган, и даже арка на фоне далёких, едва различимых звёзд.

Роланд вышел из дома-спирали на внешнюю платформу. Перед ним раскинулся Вердиант – сияющий, поющий, совершенный. Идеальный сад. Но Роланд смотрел не вниз. Он смотрел вверх, сквозь купол искусственной атмосферы, на тусклые точки спящих эхо, мерцавших где-то там – на пределе видимости сенсоров. В его сознании, воспитанном на гармонии, они звучали слишком необычно. Не диссонансом – паузой. Зияющей, ненатуральной, тянущейся миллионы лет паузой в музыке вселенной.

«Что может молчать так долго?» Впервые его мысль была не вопросом исследователя, а щемящим, почти болезненным влечением к чему-то далекому и неведомому.

Он не знал, что ответ уже летит к ним. Не песней, не диссонансом.
Тишиной. Совершенной и беспощадной.

Часть вторая: Трещина

Идеи, как и кристаллы, растут в безмолвии. Но тишина Роланда была иной – не медитативной, а натянутой. Она зияла в самом центре его мира, в том месте, где у других вердианцев обитало чувство завершённости.

Его тайная лаборатория располагалась не в физическом пространстве, а в кармане стабильного подпространства. Это древняя технология, которую его народ использовал лишь для хранения произведений искусства. Роланд же пользовался ею для исследования вопроса: «что дальше?»

В центре лабораторной пустоты висел единственный объект – грубый, тёмный, непоющий камень размером с кулак. Он был подобран роботом-разведчиком на окраине системы, у самых границ спящего эха. Камень не резонировал с Голосом Матери, он ничего не излучал. Воплощённая пауза! И в этом была его ценность.

Роланд назвал его Камнем Вопросы. Он часами концентрировался на нём, пытаясь силой разума – а сознание вердианца был тонким, мощным инструментом – уловить хоть какой-то отклик. Он верил, что тишина – не отсутствие частоты, а её затаённость. И если найти ключ, можно услышать новую симфонию.

– Ты играешь с немым камнем, – мысль, резкая и тревожная, прервала его уединение: Лорган стояла на пороге подпространства, её фигура колебалась, будто мираж. Она не решалась войти, потому что могла нарушить границы Роланда.

– Я изучаю его, – ответил он, не отрывая взгляда от камня. – Оно не мертво. Оно... ждёт.

– Ждёт ничего! – в мыслеформе прозвучала редкая для Лоргана вспышка гнева, окрасившая виртуальное пространство в цвет выжженной меди. – Наш путь – созерцание и гармония с тем, что есть. Не с тем, что могло бы быть. Ты хочешь заставить Вселенную петь нашу песню, но она уже поёт свою! Ты просто не хочешь её слушать!

– Её песня заканчивается здесь, Лорган! – он обернулся, метнув свою мысль хлёстким аккордом. – Мы достигли потолка. Можно бесконечно оттачивать одно и то же совершенство, пока оно не превратится в надгробную плиту. Голос Матери – это эхо прошлого. Я же ищу голос будущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.